

ОПРОЩЕНИЕ – ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ИЗМЕНЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Мосин Михаил Васильевич,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ), kafful@mail.ru

Мосина Наталья Михайловна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ), natamish@rambler.ru

Введение. В языках разных систем наблюдается множество случаев, когда морфемная структура слова непрозрачна. В результате сопоставительного анализа слова с родственными, этимологически однокоренными словами и их реконструированными основами и значениями различаются одноморфемные, корневые слова и слова полиморфемные, состоящие из двух или более морфем. Учитывая характер структурных изменений в слове и их природу в языкознании выделяют опрощение, переразложение, усечение основы и др. Предлагаемая статья посвящена описанию одного из распространенных процессов изменения морфологической структуры слова на материале мордовских (мокшанского и эрзянского) и прибалтийско-финских (финского и эстонского) языков – опрощению.

Материалы и методы. Метод сравнительно-исторического анализа позволяет утверждать, что многие финно-угорские основы сохранили прежнюю морфологическую структуру. При этом после распада бывшего языкового единства в течение нескольких тысячелетий самостоятельного развития в каждом из языков произошли существенные изменения, затронувшие морфологическую структуру рассматриваемой основы.

Результаты исследования и их обсуждение. В связи с морфологическим процессом опрощения структура первичной финно-угорской основы ряда слов стала существенно отличаться от их структурного оформления в более поздние периоды развития финно-угорских языков (финно-пермский, финно-волжский) и тем более их современного состояния. Этот процесс охватил большое количество основ общей лексики сравниваемых языков. Все опрощенные основы можно отнести к разным периодам развития языков. Связь древнего финно-угорского языка-основы с другими языками приводила к многочисленным заимствованиям лексем, с которыми в финно-угорский язык-основу проникали и постепенно утверждались различные морфонологические и морфологические структуры. Последние частично адаптировались в финно-угорской языковой системе, а частично продолжали сохранять особый вид.

Заключение. Морфологический процесс опрощения происходил в разные периоды развития мордовских и прибалтийско-финских языков, а именно в финно-угорский, финно-пермский, финно-волжский периоды их обособленного развития.

Ключевые слова: морфологическая структура слова; опрощение; основа слова; мокшанский язык; эрзянский язык; финский язык; эстонский язык.

Для цитирования: Мосин М. В., Мосина Н. М. Опрощение – одна из разновидностей изменения морфологической структуры слова // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 284–293.

Введение

В процессе постоянного взаимодействия и интеграции элементов словообразовательного и словоизменительного уровней на стыке корней, суффиксальной и флексивной морфем уже в финно-угорском языке-основе, и тем более в периоды развития отдельных ветвей и отдельных языков неоднократно имели место различные морфологические явления разнона-

правленного действия. В результате этих явлений элементы корня могли отходить к флексивным морфемам, а суффиксальные притягивались к корневой морфеме, что вело к постоянно меняющимся отношениям между корневой и флексивной морфемами.

В процессах, нарушающих первоначальное соотношение между произво-

дной и производящей основами, распространенным в рассматриваемых языках является опрощение (притягивание суффиксальных элементов к корневой морфеме).

Обзор литературы

В отечественном языкознании на этот процесс впервые обратил внимание В. А. Богородицкий. По его мнению, «опрощение (деэтимологизация) – лексико-морфологическое явление, состоящее в затемнении первоначальной семантической структуры слова вследствие стирания морфологических страниц между его компонентами»¹. Позднее, по определению М. Н. Шанского, под опрощением стало пониматься «тесное изменение в морфологической структуре слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на морфемы, становится непроизводной, нечленимой» [6, 189].

В связи с выделением морфемики в особый раздел языкознания, занимающийся изучением морфем в их отношении друг к другу и к слову в целом, данный процесс называют изменением морфемики слова, его морфемного состава, или морфемной (морфологической) структуры [1, 4]².

В мордовском языкознании рассматриваемое явление первоначально описано получило в работах Д. В. Цыганкина «Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова» [4, 2–24], «Опрощенные суффиксальные образования в мордовских языках» [5].

Материалы и методы

В исследованиях отечественных и зарубежных финно-угроведов установлено, что структура непроизводного первичного слова представляла собой следующие типы: CV, VCV, VCCV, CVCV, CVCCV³. Эти структурные типы явились той основой, на которой создавались новые модели для обозначения

жизненно важных предметов, понятий и явлений, обеспечивающих преемственность лексического фонда в разные периоды развития отдельных финно-угорских языков, в том числе мордовских и прибалтийско-финских.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что многие финно-угорские основы сохранили примерно прежнюю морфологическую структуру. Имеющиеся различия в данной группе слов не выходят за пределы фонетических. Вместе с тем после распада бывшего языкового единства в течение нескольких тысячелетий самостоятельного развития в каждом из языков произошли существенные изменения, затронувшие морфологическую структуру рассматриваемой основы. Ориентируясь на положение о двусложной финно-угорской основе, мы рассмотрим процесс опрощения, «нарушающий» первичное состояние именных и глагольных основ в мордовских (мокшанском и эрзянском) и прибалтийско-финских (финском и эстонском) языках.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема, связанная со структурным оформлением слова в мордовских языках начиная с финно-угорской эпохи, его морфемной членимостью, выделяемостью, возможностью расширения при помощи детерминативов, является весьма актуальной. Ее недостаточная изученность ущербно сказывается на разработке словообразования мокшанского и эрзянского языков, их исторической лексикологии и этимологии.

Как известно, степень спаянности словообразующих и основообразующих элементов в разных словах различна. Если в результате морфологического процесса переразложения флексивные морфемы подвергались многократным преобразованиям, то в процессе опрощения суффиксальные элементы, сливаясь с корнем, неоднократно преобразовали корневую морфему. Особый интерес в этом отношении представляют те основы, в которых в настоящее время грам-

¹ Богородицкий В. А. Лекции по общему языкознанию. 2-е изд. Казань, 1915. С. 272.

² См. также: Немченко Д. В. Современный русский язык. Словообразование: [учеб. пособие для филол. спец. ун-тов]. Москва, 1984. С. 81.

³ C – согласный звук, V – гласный.

матиками данных языков не выделяют-ся действующие словообразовательные морфемы. Во многих случаях сложный характер подобных основ выделяется только при сравнительно-историческом анализе, т. е. при сопоставлении с диалектными формами и соответствиями из родственных языков, восходящими к праязыковым единствам (уральскому, финно-угорскому, финно-пермскому и финно-волжскому). По мнению исследователей, мордовские и прибалтийско-финские (особенно финский) языки лучше сохранили двусложную основу финно-угорского слова. Вместе с тем было бы неверно полагать, что рассматриваемые языки в одинаковой степени сохранили первичную структуру финно-угорской основы слова.

Итак, опрощение – это превращение основы слова более сложной структуры в одноморфемную основу, равную корню. Разная степень завершенности данного морфологического процесса в отдельных лексемах позволяет выделить неполное опрощение, или «полуопрощение», и полное опрощение. Примерами частичной членимости основы слова являются:

а) префиксальные по происхождению образования, например: э. *aparo* ‘горе’ (*a* – отрицательная частица ‘не’ и *paro* ‘хороший, добро’), *alamo* ‘мало’ (*a* – отрицательная частица ‘не’ и *lamo* ‘много’); эст. *ebausk* ‘суеверие’ (*eba* – отрицательная приставка ‘не-, без-, недо-, анти-’ и *usk* ‘вера’), *ebavoorus* ‘порок’ (*eba* – ‘не’ и *voorus* ‘добродетель’); ф. *epäkohta* ‘недостаток’ (*epä* – отрицательная приставка ‘не-, без-, недо-, анти-’ и *kohta* ‘место’), *epäluulo* ‘подозрение’ (*epä* ‘анти-’ и *luulo* ‘мнение’) и т. д.;

б) употребление в современных языках в качестве непроизводных слов многих исторически производных слов, образованных путем сложения разных основ, например: мд. *kavalalks* / *kavlal*, ф. *kainalo*, эст. *kaenal* ‘подмышка’, ю.-эст. *kangla* ‘плечо, шаль’, ур. **kδnal* ‘подмышка’ (где **kδn* – ‘плечо’ и **al* – ‘низ’); мд. *šukšpr’a* ‘сорная куча, место, куда выкидывают мусор’ (*šukš* ‘мусор’ и *pr’a* ‘голова, верхушка’), ф. *keskiviikko* ‘сре-

да’ (*keski* – ‘центральный, средний’, *viikko* ‘неделя’), ф. *keskiyö* ‘полночь’ (*keski* – ‘центральный, средний’ и *yö* ‘ночь’) и т. д.; эст. *heakord* ‘благоустройство’, (*hea* ‘добро’ и *kord* ‘порядок’), *silmnägu* ‘лицо’ (*siln* ‘глаз’ и *nägu* ‘лицо’) и т. д.

При неполном опрощении, или «полуопрощении», в производной основе слова выделение морфем возможно, однако они значительно изменили первичное значение.

Полное опрощение заключается в том, что исчезает морфемный шов в основе слова между корнем и аффиксом, т. е. производная основа становится непроизводной. Например: ур. **s’id’z* или *s’üδ’z* ‘сердце’ > доперм. **südämtδ* представлено с опрощенной структурой основы, ср.: мд. *s’ed’ej*, диал. *s’ed’ej*, *s’ed’i*, ф. *sydän* (*sydäme-*), эст. *süda* (*südame-*) ‘сердце’. В данном случае финно-угорский деэтимологизированный суффикс **-mδ* в рассматриваемых языках преобразовался в такие варианты, как мд. *-η.*, *-j*, *-v*, *-i*, ф., эст. *-n*, *-me*, *-m* и окончательно слился с древним финно-угорским корнем **s’id’z* или *s’üδ’z*, вследствие чего образовались приведенные выше опрощенные варианты основ. В настоящее время эти основы в данных языках выступают как производящие, ср.: мд. *s’ed’ejbel’ks*, диал. *s’ed’ejbel’ks* ‘брат, сестра, любимый, родной’, *s’ed’ejškava* ‘сердечно’, *s’ed’ejalks* ‘подложечная впадина’, ф. *sydänälä* ‘подложечная впадина’, *sydänmää* ‘периферия’, *sydänpuu* ‘сердцевина’, *sydämellinen* ‘сердечный’. В эстонском языке в номинативе единственного числа выступает усеченная форма *süda* ‘сердце’, однако производные образовались через опрощенную основу *südame-*: *südames* ‘в душе’, *südametus* ‘бессердечность’, *südamik* ‘сердцевина’, *südamlük* ‘сердечный’. В мордовских языках слово *lovaža* ‘кость, труп’ следует считать опрощенной основой, так как выделение в нем корня *lova-* и словообразовательного аффикса *-ža* возможно только при сравнении с ф. *luu*, эст. *luu* из ур. **luve* ‘кость’. В финском слове *pähkinä*, *pähkimä* ‘орех’ морфемный шов между корнем *pähki-* и суффиксом *-nä* / *-mä*

также можно определить только при сопоставлении с мд. *pešt'e*, эст. *pehkel* из ф.-п. **paškz* 'орех' и т. д.

Исходя из характера исчезнувших морфем и морфемных швов в общей лексике сравниваемых языков можно выделить несколько структурных типов опрошения. Первый структурный тип – исчезновение морфемной границы между компонентами сложного слова и, следовательно, превращение его в простое. Иначе этот тип опрошения называется композитным. Примерами композитного опрошения могут быть: ур. **k8nal* 'подмышка' (где **k8n* должно было означать 'плечо', **al* 'низ, под'), отсюда мд. *kavalaks* / *kavlal* – ф. *kainalo*, эст. *kaenal* 'подмышка', ю.-эст. *kangla* 'плечо', 'шаль'; мд. *s'el'ved* 'слеза' (*s'el'me* 'глаз' и *ved* 'вода'), эст. *s'ilma-vesi* 'слеза' (*silma* 'глаз' и *vesi* 'вода'); мд. *kumbr'a* 'улитка' (*kujin'pr'a* 'змеиная голова'), эст. *veski* 'мельница' (от *vesi* 'вода' и *kivi* 'камень'), отсюда фамилия *Veski* (ср.: мд. *ved'gev* 'мельница (водяная)' и т. д.).

Второй тип – исчезновение границы между основой (корнем) слова и словообразовательным суффиксом (derivativное опрошение). В данном случае происходит полное опрошение. Например, ур. **n'oma-lz* 'заяц' в мордовских и саамском языках представлено только с деэтимологизированным суффиксом *-lo* / *-l*: мд. *nimolo* / *nomol*, с. *njoatmel* 'заяц'. Это слово в данных языках воспринимается как непроединное. От осложненной опрошенной основы *nomolo* / *nomol* в мордовских языках засвидетельствованы именные производные образования *nimolkaj* (в фольклоре звательная форма) и *nimolne*, *nimolkajn'e* 'зайчонок'. В самодийских языках соответствие указанного слова выступает без дополнительного словообразовательного суффикса в виде: н. *n'āwa*, ск. *n'oma* 'заяц', ур. **kin'elz* или **kūn'elz* 'слеза' > ф. *kuunel*, с. *gānjāl*, однако ср.: удм. *кыли*: *син-кыли* (синоним 'глаз'), венг. *könnu* 'слеза'. В финском и саамском произошло полное опрошение основы: корень **kūnje-* и деэтимологизированный суффикс **-lz* (на прибалтийско-финском

уровне *-l* ~ *-le*) вовсе не вычлняются, ср.: эст. *kūūnel*, вепс. *kūn'al*, лив. *kin'd'al* 'слеза'. Например, в финском от *kuunel* засвидетельствованы новые производные: *kuuneleinen* 'слезливый', *kuunelpaju* 'плакучая ива', *kuunelpisara* 'слезинка', *kuuneltyä* 'прослезиться'.

Уже в общефинно-угорский языковой период происходит процесс притягивания суффиксальных элементов к корневой морфеме, вследствие чего первичные четырехэлементные основы приобретают дополнительные форманты и становятся шестиэлементными. В более поздний период развития языков они выступают уже как целостные структуры, поэтому не всегда представляется возможным считать их как сочетание корня + аффикс. В таких случаях следует констатировать, что финно-угорский основообразующий формант (деэтимологизированный элемент) еще в финно-угорский период развития данных языков вошел в состав корня, который подвергся процессу опрошения и предстает в современных языках как новая структурная единица, ср.: мд. *čejer'* / *šejer'* 'мышь', ф. *hiiri*, эст. *hiir* (ф.-у. **šijere*). В связи с этим соотношение производящей и производной основ в финно-угорском и финно-волжском, а тем более в современных языках изменяется. То, что на финно-угорском уровне явилось производной основой, на финно-волжском, а также на современном уровне, в силу процесса опрошения корня предстает в качестве производящей основы, выступающей как исходная для различных производных образований. Описание морфологической структуры слова в целях осуществления ее морфологического членения следует реализовать путем использования этимологической соотнесенности, т. е. путем восстановления системы соотносительных связей, оказавшихся разорванными в процессе развития того или иного отдельного языка.

Так, наличие в мордовской основе *r'ivez'* деэтимологизированного суффикса *-z'* и его первоначального четырехэлементного корня *r'ive* устанавливается благодаря этимологической соотнесен-

ности с финским *repo* ‘лиса’ из финно-угорского **repä* (s’z) ‘лиса, лисица’. При осуществлении морфологического членения слова в том или ином языке или в группе языков целесообразно использовать не только материал близкородственных языков, а также данные более отдаленных языковых ветвей, заимствования из других языковых семей и древнюю первичную структуру финно-угорской основы. Например, наличие четырехэлементной структуры первичной основы (корня) *s’el’e-* и деэтимологизированного суффикса *-j, -η / -i* в мордовском слове *s’el’ej*, диал. *-s’el’ej / -s’el’ei* ‘вяз’ можно восстановить только в процессе этимологической соотнесенности с марийским *šol, šolo* ‘вяз’, ф. *salava* ‘ракита’, эст. *halapaju* ‘ива’ (из ф.-у. **s’ala* ‘вяз’). В слове ф. *orava*, эст. *orav* ‘белка’ основу *ora-* и суффикс ф. *-va*, эст. *-v* можно выделить при сопоставлении с мд. *ur*, мар. *ur*, к. *ur* (из ф.-п. **ora* ‘белка’) и т. д.

Если процесс опрощения охватывает финно-угорскую основу исключительно во всех родственных языках, то критерием выделения в ней древней модели корня и аффикса может служить только положение о первичной трех-, четырех- и пятиэлементной структуре финно-угорской основы, например: мд. *s’ejel’*, ф. *siili*, эст. *siil* (< *siili*) < ф.-у. **sije* = (*le-*) ‘еж’; э. *r’ivez*, эст. *rebase* (*rebase-*) < ф.-у. **repä* = (s’z) ‘лиса’ и т. д.

Третьим структурным типом опрощения является втягивание словоизменительного суффикса в непроеизводную основу. Этим процессом охвачены, главным образом, наречийные и послеложные образования.

В качестве примеров такого типа опрощения можно привести следующие слова: мд. *kotst / kotf* ‘ткань’; формы *kotst / kotf* восходят к глаголу *kodams* ‘ткать’ и словоизменительному суффиксу *-st / -f*. Первоначально, вероятно, была форма **kodavkst* ‘результаты тканья, что-то сотканное (холст)’, *kodaf* ‘тканый’, ср.: ф. *kude* ‘ткань’ от *kutoa* ‘ткать’, эст. *kude* ‘ткань’, *kuduma* ‘ткать’; мд. *kunst / kunf* ‘навзничь’, ср.: ф. *keno*; *pää kenossa* ‘голова откинута назад’, эст. *kenus* ‘высоко-

мерный (о человеке)’ < ф.-у. **konz* ‘навзничь’; мд. *per’t / per’f* ‘вокруг’, ср.: *ven’ber’t / ven’ber’f* ‘всю ночь, в течение всей ночи’. Данная форма в SKES связывается с мд. *pir’e / per’ä* ‘огород’, образованным от глагола *pir’ams / per’ams* ‘загородить’, отсюда *pir’avt / per’aft* ‘изгородь’, впоследствии *per’t / per’f* ‘вокруг’; мд. э. *pečt* ‘кусоч (хлеба)’, возникшее как усеченная форма от *pečkev’t* ‘результат отрезанного’ из глагола *pečkems* ‘резать’ и словоизменительного суффикса *-vt*; мд. *ičkəz’ä* (*ičkəzä*) ‘далеко’, ср.: ф. *etä*; *etäänä* ‘далеко’, эст. *ette* ‘вперед, наперед’.

В связи с морфологическим процессом опрощения, структура первичной финно-угорской основы ряда слов существенно стала отличаться от их структурного оформления более поздних периодов развития финно-угорских языков (финно-пермского, финно-волжского) и тем более их современного состояния. Этот процесс охватил заметное количество основ общей лексики сравниваемых языков. Исходя из того, к какому периоду общности финно-угорских языков относится аффикс и в каких ветвях языков он наличествует, все опрощенные основы можно отнести к разным периодам развития данных языков.

Основы, ставшие опрощенными в период финно-угорской общности

Учитывая первичную двусложную структуру основы праязыка, состоящую из трех, четырех и пяти элементов, в некоторых лексических соответствиях можно выделить следующие дополнительные морфемы в виде словообразовательных суффиксов или отдельных слов:

**-m*. Данный деэтимологизированный суффикс в мордовских языках выступает в виде *-m, -me, -j, -η, -i*; в финском и эстонском – *-n* (< *-me-*) в следующих основах: мд. *ud’em / ud’eme*, ф. *udin*, ср.: диал. *yti, yty*, эст. *üdi*, венг. *velö* ‘мозг’ < ф.-у. **widz – (mz)* или **wüdz – (mz)* ‘мозг’; мд. *ez’em / ez’əm* ‘скамейка’, ф. *aseme, asen* (род. *asemen*), эст. *ase* (*aseme-*) ‘место’, ср.: доперм. **äsämš* ‘станция, стоянка’; мд. *s’ed’ej / s’ed’i*, ф. *sydän* (*sy-*

däme-), эст. *süda (südame-)*, ср.: доперм. **südämz* < ур. **s'id'z* или *süd'z* 'сердце';

**-s'z* < мд. *-z*', эст. *-ne* (< *se-*): мд. *r'ivez*', эст. *rebane (rebase-)*, ср.: ф. *repo* < ф.-у. **repä (s'z)* 'писа'. В эрзянском слове *r'ivez*' выделяют именной суффикс *-z*' из ф.-у. **-s* [8, 196];

**-l'* < мд. *-l'*, ф., эст. *-le-* > мд. *s'ejel'*, ф. *siili (siile-)*, эст. *siil (siili-)*, ф.-у. **s'ijele* 'еж'; мд. *es'kil'ams / as'käl'ams* 'шагать', отсюда впоследствии *as'kel'ks / as'käl'ks* 'шаг', ф. *askel (askele-)* 'шаг', эст. *askel-dama* 'хлопотать', ср.: мс. *usil* 'шаг' (доперм. **ač'k8l*) (КЭСК 64). В данном слове выделяется именной суффикс финно-угорского происхождения **-l* [7, 39].

**-ra* > мд. *-r'*, ф., эст. *-re*, *-ri*, *-r*: мд. *čejer' / šejer'*, ф. *hiiri (hiire-)*, эст. *hiir (hiire-)* 'мышь' < ф.-у. **siŋe-(re)* 'мышь'; мд. *s'ejir' / s'äjär'* 'большая берцовая кость', 'голень', ф. *sääri*, эст. *säär* 'голень, берцовая кость' (доперм. **č'äjärz*, ср.: венг. *szar* 'стебель, стержень, голень', мс. *sar: kät-sar* 'кисть руки').

Основы, ставшие опрощенными в период финно-пермской общности

-r* > мд. *-r'e*, диал. *-r'e*, ф. *-rā*, эст. *-r*: мд. *ken'er' / ken'är* 'локоть', ф. *kuynärä*, эст. *küünar*, доперм. **kün'8r* 'локтевая кость' < ф.-у. **kün'ä* (kin'ä*) или *künä* (**kinä*) 'локоть'. В КЭСКЯ отмечается, что элемент **-r*, восходящий к финно-пермскому периоду, представляет собой в данном слове словообразовательный суффикс;

**-č* > мд. *-č / -š*, ф., эст. *-s*: мд. *kr'enč / krandāš*, ф. *kaarnis*, эст. *kaarnes*, мар. *kur'anāž*, удм. *kirnidž* 'ворона', ср.: самод. *harna*;

**-ala* 'нижний, нижняя часть' > мд. **-al-*, ф. *alo*, эст. *al*: мд. *kavalalks / kaval* 'подмышка' – ф. *kainalo*, эст. *kaenal*, удм. *kun: kun-ul*, доперм. *k8nal* 'подмышка', где *k8n* должно было обозначать 'плечо', мс. *xanəl* < ур. **kanz* 'подмышка';

**dekaan* < и.-е. *dekṃ* 'десять'. Данное слово выступает как словообразовательная морфема в числительных: мд. *kavk-so / kafksa*, ф. *kahdeksan*, эст. *kaheksa* 'восемь'; мд. *vejksē / vejxksā*, ф. *yhdeksän*, эст. *üheksa* 'девять'. По мнению иссле-

дователей, они возникли в результате сложения финно-угорских основ **kakta* 'два', **ükte* 'один' и **deksan* < и.-е. *-dekṃ* 'десять' [3, 166]⁴.

Основы, ставшие опрощенными в период финно-волжской общности

Именные основы:

**mz* > мд. *n'e / n'ä, j, m*, ф., эст. *n* (< *me-*): мд. *ez'n'e* (< *ez'e-n'e*) / *jäz'n'ä* (< *jäz'-n'a*) 'сустав' – ф. *jäsen*, эст. *jäsa (jäseme-)*, мар. *jažəŋ*, ср.: удм. *joz*, венг. *iz*, доперм. *jäsž* 'сустав'; мд. *lokse'ej / loks't'im* 'лебедь', ф. *joutsen*, эст. диал. *jôudsin*, ср.: *joos, jues*, удм. *jus*, к. *jus* 'лебедь' < ф.-у. **jonke'e* 'лебедь';

-n* (-n'*) > мд. *-n'*, ф. *-nen*: мд. *kemen' / ketān'* 'десять', ф. *kymmen* (диал. *kummenä*) 'ладонь', эст. *kümme*, кар. диал. *küme*, лив. *kim* 'десять';

**ks* > мд. *-kš*, ф. *-s* (< *kse-*), эст. *-s* (< *-se*): мд. *kenkš* 'дверь', ф. *kynnyks* (*kynnykse-*), эст. *künnis (künnise-)* 'порог';

**-r* > мд. *-ra*, *-r'e*, *~r, r'*, ф., эст. *-ra*, *-rā*, *~r*: мд. *čovar / šovar*, ф. *huhmar*, эст. *uhmer*, ср.: мар. *šuv-r* 'ступа'; мд. *ukštor(o) / uštār*, ф. *vaahtera*, эст. *vaher* 'клен', ср.: мар. *ba-štar* 'клен'; мд. *kičker'e / kičkār'* 'кривой, согнутый', ф. *kahkerä* 'выпуклый', ср.: мар. *kāškār* 'катушка'; мд. диал. *kodara / kodrāks* 'стебель', ф. *ketara* 'ковыль', эст. *kodar, kodaras* 'спица';

мд. *-ro / -r* < **r*: *komoro / komor* 'горсть, пригоршня', ф. *-lo*, эст. *-l* < ф.-у. **-l*: ф. *kah-malo*, эст. *kamal*, ср.: к. *kamyr* 'горсть', с. *chammara* 'рука'; мд. *-r* < ф.-у. **r*, *-v* / *-u* < обшморд. *ŋ* < ф.-у. **-k*: *šukštorov / šukštoru (r-u)* 'смородина', эст. *-k, -kas* < ф.-у. **kk* + *s* (неясного происхождения): *sitik, sitikas* 'черная смородина', ср.: х. *čarč* < ф.-у. **čorčz* 'смородина';

**-l* > мд. *m*, *-l*, ф., эст. *-l, -lo*: мд. диал. *korəl* 'полукруглое долото', ф. *koveli*, эст. *kōmel* 'тесло', ср.: мар. *koβā* 'рубанок'; м. диал. *kovəl* 'корыто', ф. *kauka-lo*, эст. *kaugal* 'плоскодонка, челн, корыто'; мд. *-l* образовался, вероятно, из ф.-у. именного **-l*: э. диал. *kovol*, ф. *-r* <

⁴См. также: Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. Москва, 1953. С. 37, 136

ф.-у. *-r: *kumuri* ‘маленькое облако’, ср.: удм. *kīmer* ‘облако’, эст. *kumi* ‘сверкание, мерцание’;

мд. -c’a < ф.-у. *-c’: *kur’c’a* / *kār’c’ä*, ф. *nto*, эст. *nd* < ф.-у. *-nt: ф. *korento*, эст. *kõrend* ‘кормысло’, ср.: к. *ker* ‘бревно’, венг. *hord* ‘нести’;

мд. -n (неясного происхождения): *kis’kan* ‘орел’, эст. -a, вероятно, из ф.-у. *ks: *kotkas* ‘орел’, ср.: ф. *kotka* < ф.-п. *kočka ‘орел’;

мд. -n’ (неясного происхождения): *čovon* ‘затылок’, ф. -ra, эст. -r < ф.-у. *r: *hamara*, эст. *ham(m)ar* ‘обух (топора, ножа)’, ср.: мд. *čov* / *šov* ‘обух топора’;

мд. -c’a < *c’: *n’evin’c’a* / *n’emān’cā* ‘отруби’, ‘мякина’; ф. -tti: *lemetti* ‘шелушащееся зерно’, ср.: эст. *lemm* ‘шелуха, хлопья’;

мд. -v < ф.-у. *-k: *čičav* ‘блоха’, ф. -r < ф.-у. *-r: *sonsar* ‘блоха’, ср.: мд. диал. *šičaga*, мар. *šuršā*, мс. *suns* < ф.-у. *c’ončz* ‘блоха’; мд. -j, -n / -i из общемордовского *-η восходящего к ф.-у. *-k: *s’el’ej*, э. диал. *s’el’ej* / *s’el’i* ‘вяз’, ф. -ya < ф.-у. *-p: *salava* ‘ива (ломкая)’, ср.: эст. *hala-*, *halapi* ‘ива’, мар. *šol*, *šolo* < ф.-у. *s’ala ‘вяз’.

Глагольные основы:

мд. *amol’d’ams* / *aməl’d’ams*, ф. *am-mentaa*, *ammultaa*, эст. *ammutama* ‘черпнуть, зачерпнуть’ состоят из первичной основы: мд. *ато-* / *атə-*, ф. *атто*, *атти*, эст. *атти*, элемента -l ~ -n и отглагольного суффикса: мд. -da / -d’a, ф., эст. -ta, восходящего к финно-угорскому отглагольному суффиксу *-t [2, 375], ср.: ф. *amme* ‘ванна, чан, кадка’, эст. *anum* (метатеза **ammun*) ‘сосуд’;

мд. *jovtams* / *joftams*, ф. *jutella*, эст. *jutlema* ‘сказать’: вероятно состоят из первичной основы; мд. *jov-* / *jof-*, ф. *ju-*, эст. *ju-*, ср.: доперм. *j8v8- ‘известие’, мд. *jovks* / *jofks* ‘сказка’ и финно-угорского отглагольного суффикса *-t с каузативным значением [2, 375];

мд. *uksnoms* / *uksāndāms*, ф. *oksenta*, эст. *oksendama* ‘рвать, блевать’ состоят из основы: мд. *uks-* / *oks-*, ф. *okse-*, эст. *okse-*, ср.: доперм. *oks3- ‘рвать, тошнить’ и финно-угорского отглагольного суффикса *-nt [2, 371], ср.: мар. *ukšīnčāš*

‘рвать’. В мордовских языках данный суффикс выражает многократное или длительное действие и выступает в виде -no, -n’e / -nd, -n’d’.

Основы, ставшие опрошенными в мордовских языках

Именные основы:

-s’, возможно, из ф.-у. *-s’: мд. м. *kaves* / *pan’žamgaves* ‘муравейник’, ср.: ф. *kavea*, *kave* ‘суслон, бабка’;

-do/-da < ф.-у. *-t: мд. *kalgodo* / *kalgāda* ‘твердый, жесткий’, ср.: ф. *kalki*, эст. *kalk*, *kalg*, *kale*, *kaleda* ‘твердый, жесткий’;

-v / -u < общеморд. -η ф.-у. *-k: мд. *ku-lov* / *kulu* ‘зола’, ср.: ф. *kulmu*, *kulo* ‘засохшая прошлогодняя трава’, эст. *kulu* ‘отава’, венг. *hamu* < ф.-у. *kul’t3 или *kud’t3* ‘зола, пепел’;

-ka, возможно, из финно-угорского *kka: м. диал. *kumoka* ‘температура’, ср.: ф. *kuuma*, эст. *kuum* ‘жаркий, горячий’;

-ža. И. С. Галкин⁵ вслед за Т. Лехтисало [8] возводит данный суффикс к ф.-у. *-s: мд. *kumanža*, э. диал. *pul’aža* / *plmanža* ‘колено’, ср.: ф. *polvi*, эст. *põlv*, мар. *polβui* ‘колено’ (*βui* ‘голова’) < ур. *polwe ‘колено’. Суффикс -ža можно выделить также в словах: *lovaža*, э. ‘кость’, м. ‘труп’, ср.: ф., эст., мар. *luu* < ур. *luve ‘кость’; мд. *l’ipuža* ‘цены’ (две линейки между нижним и верхним настилами основы), ср.: ф. *lippi*, эст. *lipits* (-tea), диал. *lipp* (*lipu-*) ‘рейка, планка’;

-n’ ~ n (возможно из ф.-у. *-n): мд. *nupon* / *nupān* диал. *lupon* ‘мох’, ср.: ф. *lup-ro*, *luppa*, кар. *luppo* ‘бородатый лишай’; мд. *s’ovon* / *s’ovān* ‘глина’, ср.: ф. *savi*, эст. *savi*, диал. *sau* ‘глина’; мд. *vakan* ‘миска деревянная, глиняная’, ср.: ф. *vakka* ‘лукошко’, эст. *vakk* ‘деревянная посуда’;

-l, вероятно, восходящий к финно-угорским отыменным *-l и -v: мд. *t’evel’av* / *t’evlav*, ср.: ф. *tävy*, эст. *tew*, диал. *tavi* ‘легкое’ < ур. *tāw3 ‘легкое’; мд. э. *čevgel* ‘калина’, ср.: мд. м. *čāvgā*, мар. *šaršā*, ф. *heisipui* (*pui* ‘дерево’), эст. *oispuu* ‘калина’ ф.-п. *šew3 ‘калина’;

⁵ См.: Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола, 1966. С. 56.

-*mo* / -*m* < ф.-у. *-*m*: мд. *s'ulgamo* / *s'ulgam* 'застежка (принадлежность мордовского женского костюма)', ср.: ф. *soiki*, эст. *sõlg* 'брошка, застежка'.

Загадочной представляется структура опрошенной основы мд. *šoraša* / *šoraša* 'призрак, привидение'. Вероятно, она состоит из морфем *šora* + *ša*, ср.: ф. *huu*: *huunpurema*, *huinhaukko* 'синее или черное пятнышко на коже', к. диал. *šep* 'душа мертвого' < ф.-п. **šunje* 'душа, призрак, тень'.

Глагольные основы:

мд. *aj*: *ajks'ima*, *avs'ima* / *ant'sama* 'прорубь', вероятно, состоит из первичной основы *ajk-* / *av-* и суффикса -*s'(e)-* / -*s'(ə)-*, выражающего значение повторяемости или многократности, и -*ma*, выражающего значение конкретного предмета, служащего орудием, объектом действия; восходит к ф.-у. *-*m*, ср.: ф. *avata*, эст. *avata* 'открывать', ф. *avanto* 'прорубь', доперм. **aŋa-* 'углубление, проем';

мд. *ar's'ems*, *ar't's'ems* / *ar's'ams* 'думать', состоит из первичной основы **ar-* и суффикса -*s'(e)-*, -*t's'(e)-*, -*s'(ə)-*, ср.: ф. *arvata*, эст. *arvata* 'думать, полагать', венг. *ar'* - 'цена'. Данный глагол в мордовских языках употребляется только в многократной форме, если не связывать его с глаголом *ara-ms* 'стать (занять какое-либо положение)': *arams vepel'ev* 'стать в сторону' (ЭРВ);

мд. *oznoms* / *ozāndāms* 'молиться': первичная основа *oz-* / *oz-* и суффикс многократности -*n* / -*ndā*, ср.: *oska* / *ozka* 'моление' доперм. **osz-*, ф. *uskoa*, эст. *uskuta*, а также мар. *ṽḁanaṽ* 'молиться';

мд. *ven'emets* / *ven'atama* 'вытянуть': состоит из основы *ven'e* / *ven'ə-* доперм. **wen'e* и отглагольного суффикса -*me*, восходящего к ф.-у. *-*m*, ср.: ф. *venyā* 'растянуться' [8, 114];

мд. *ponzavtoms* / *pon'džaftāms* 'веять': состоит из основы *ponža-* и суффикса -*vt(o)* / -*ft(ə)* с каузативным значением, исходящего к ф.-у. *-*kt*, ср.: ф. *pohtaa* 'веять'. В большинстве случаев в мордовских языках простые глагольные основы стали производными (опрощенными) в результате присоединения к ним суффикса -*d* / -*d'*, восходящего к финно-угорскому

отглагольному *-*t* с понудительно-переходным и возвратным значением [2, 375]. К ним можно отнести: мд. *kapud'ems* / *kapād'ams* 'схватить (обеими руками)', ср.: ф. *kaapats*, эст. *kaapama* 'хватать', мд. *komāt'ams* 'прыгать', ср.: ф. *kimma* 'упругость'; э. *luvod'ems* 'оторваться, отклеиться', ср.: ф. *lonka*: *olla longallansa* 'быть на боку', эст. *long*: *lonkus* ~ *longus* 'пониклый, повислый'; мд. *londadoms* / *londadāms* 'осесть, опуститься', ср.: ф. *lone* 'долина', эст. *lont* / *lunt* 'лощина'; мд. *lužadoms* / *lužadāms* 'утомляться', ср.: ф. *luhi* 'ущерб, вред', *luhistua* 'утомляться'; мд. *orgod'ems* / *or'gād'ams* 'сбежать', ф. *urjeta* 'уходить'; мд. *purdams* / *pārtams* 'повернуть, вертеть', ср.: ф. *puraa* 'пробивать дыру', эст. *pura* 'сверло' < ур. *pura* 'сверлить', 'сверло'; мд. *puved'ems* / *puvād'ams* 'мять, трепать (лен)', ср.: ф. *puida* 'крошить, дробить'; мд. *ser'ed'ems* / *s'āt'ād'ams* 'болеть', ср.: ф. *särkeä* 'болеть'; эст. *särgema* (финское заимствование), доперм. **sör3*: *tšar'kod'ems* 'понимать, догадываться', ср.: ф. *harkia*, *harkita* 'обдумывать, продумывать', эст. *harjuma* 'привыкать, свыкаться';

мд. *topod'ems* / *topād'ams* 'насытиться', ср.: ф. *topata* 'набивать, набить'; э. *tonadoms* 'научиться, привыкнуть', ср.: ф.? *tottu* (? < **tonttu*) 'учиться' < ф.-у. **tona-* 'привыкнуть, учиться', ср.: мд. *tonavtoms* / *tonaftāms* 'научить'.

Древний финно-угорский язык-основа не мог быть и не был полностью изолирован от окружающего языкового мира. Его связь с другими языками приводила к многочисленным заимствованиям лексем, с которыми в финно-угорский язык-основу проникали и постепенно утверждались различные морфонологические и морфологические структуры. Они (можно допустить) частично адаптировались в финно-угорской языковой системе, а частично продолжали сохранять особый вид. Например, нельзя включить в число опрошенных основ древние заимствования из индоевропейских языков, хотя их структура внешне похожа на рассмотренные финно-угорские слова. Они вошли в данные языки в готовом виде, как неделимые основы, например:

мд. *uros / urus*, ф. *orbo*, эст. *orb*, ф.-у. *orpa* (*s/3*) или **orewa* (*s/3*) 'сирота' < и.-е., ср.: санскр. *arbhas* 'маленький'; мд. *purcos / pur't's'*, ф. *porsas*, эст. *põrsas* < ф.-у. **pors' a* (*s*) или **porc' a* (*s*) 'поросенок' < индо-иранск., ср.: лат. *porcus*, гр. *porcos*; мд. *sazor*, ф. *sisar*, эст. *sõsar* < ф.-у. **susare* 'сестра' < и.-е. **suesor*, ср.: санскр. *svasar* 'сестра' и т. д.

Заключение

Исходя из анализа морфологической структуры этимологически общей лексики рассматриваемых языков, ее реконструированных форм и значений можно заключить, что морфологический процесс опрощения происходил в разные периоды развития мордовских (мокшанского и эрзянского) и прибалтийско-финских (финского и эстонского) языков, а именно в финно-угорский, финно-пермский, финно-волжский периоды их обособленного развития.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

венг. —	венгерский язык
диал. —	диалектный вариант
доперм. —	допермский язык
и.-е. —	индо-европейский язык
к. —	коми язык
м. —	мокшанский чязык
мар. —	марийский язык
мд. —	мордовские языки
мс. —	мансийский язык
н. —	нганасанский язык
с. —	саамский
санскр. —	санскрит
ск. —	селькупский язык
удм. —	удмуртский язык
ур. —	уральский язык
ф. —	финский язык
ф.-п. —	финно-пермский язык
ф.-у. —	финно-угорский язык
э. —	эрзянский язык
эст. —	эстонский язык
ю.-эст. —	южно-эстонский язык
КЭСЛЯ —	Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.
ЭРВ —	Эрзянь-рузонь валкс. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. Москва, 1993. 830 с.
SKES —	Suomen kielen etymologinen sanakirja I–VII. Helsinki, 1955–1981.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. Москва: Наука, 1977. 316 с.
2. Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва: Наука, 1974. С. 214–381.
3. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. Москва: Наука, 1979. 262 с.
4. Цыганкин Д. В. Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова // Вопросы языкознания. Саранск, 1975. Вып. 2. С. 3–24.
5. Цыганкин Д. В. Опрощенные суффиксальные образования в мордовских языках // Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. 4. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 73–79.
6. Шанский М. Н. Очерки по русскому словообразованию. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 310 с.
7. Györke J. Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe). Tartu, 1934. 163 s.
8. Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe // SUST, LVI. Helsinki, 1936. 398 s.

Поступила 09.08.2019, опубликована 16.12.2019

DE-ETYMOLOGISATION AS ONE OF THE VARIETIES OF CHANGE OF THE WORD MORPHOLOGICAL STRUCTURE IN THE MORDOVIAN LANGUAGES

Mihail V. Mosin,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), finugor@rambler.ru*

Natalya M. Mosina,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), natamish@rambler.ru*

Introduction. In the languages of different systems, there are many cases when the morphemic structure of a word is not clear. As a result of a comparative analysis of a word with etymologically related words and their reconstructed stems and meanings, single-morphemic, root and polymorphic words consisting of two or more morphemes are distinguished. Considering the nature of structural changes in a word and their nature in linguistics, there is simplification, re-decomposition, truncation of the stem and others. The article describes simplification, one of the most common processes of changing the morphological structure of a word based Mordovian (Moksha and Erzya) and Baltic-Finnish (Finnish and Estonian) languages.

Materials and methods. The method of comparative historical analysis allows us to state that many Finno-Ugric foundations have retained the old morphological structure. After the collapse of the former linguistic unity for several millennia of independent development, significant changes took place in each of the languages that affected the morphological structure of the stem.

Results and discussion. In connection with the morphological process of simplification, the structure of the primary Finno-Ugric stem of a number of words began to differ significantly from their structural design in the later periods of the development of the Finno-Ugric languages (Finno-Permian, Finno-Volga) and, moreover, their current state. This process covered a large number of the stems of the general vocabulary of the compared languages. All simplified stems can be attributed to different periods of language development. The connection of the ancient Finno-Ugric language with other languages led to numerous borrowings of tokens with which various morphological and morphological structures penetrated and gradually established themselves in the Finno-Ugric language. The latter partially adapted in the Finno-Ugric language system, and partially continued to maintain a special look.

Conclusion. The morphological process of simplification took place at different periods in the development of the Mordovian and Baltic-Finnish languages, namely in the Finno-Ugric, Finno-Permian, Finno-Volga periods of their separate development.

Key words: morphological structure of a word; Simplification the basis of the word; Moksha; Erzyan Finnish; Estonian languages.

For citation: Mosin MV., Mosina NM. De-etymologisation as one of the varieties of change of the word morphological structure in the Mordovian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 3: 284–293. (In Russian)

REFERENCES

1. Lopatin VV. Russian word-forming morphemic: Problems and principles of description. Moskva; 1977. (In Russian)
2. Majtinskaya KE. Comparative morphology of Finno-Ugric languages. *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniia. Voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskih iazykov* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Origin and development of Finno-Ugric languages. Moskva; 1974: 214–381. (In Russian)
3. Majtinskaya KE. Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages. Moskva; 1979. (In Russian)
4. Cygankin DV. Historical changes in the morphemic structure of the Mordovian word. *Voprosy iazykoznaniia* = Linguistics. Saransk; 1975; 2: 3–24. (In Russian)
5. Cygankin DV. Simplified suffixes in Mordovian languages. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda* = Mordovian languages in the eyes of a Finno-Ugric linguist. Saransk; 2014: 73–79. (In Russian)
6. Shanskij MN. Essays on Russian word formation. Moskva; 1968. (In Russian)
7. Györke J. Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe). Tartu; 1934. (In German)
8. Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. *SUST*, LVI. Helsinki; 1936. (In German)

Submitted 09.08.2019, published 16.12.2019